

Интерпретация дороги и связанных с ней реалий в первом переводе романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» на французский язык

Е. А. Соловьева

*Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону, Россия*

Аннотация

С изменением парадигмы гуманитарного знания новую актуальность приобретает проблематика художественного перевода, которая все больше фокусируется на изучении языковой личности и индивидуального стиля переводчика. Публикация романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» стала значимым событием литературной жизни России. Хронотоп дороги является одной из важнейших составляющих произведения. Он упорядочивает его композиционную структуру и формирует онтологическое пространство романа. Первый перевод романа на французский язык, принадлежащий перу близкого родственника и сослуживца поэта А. А. Столыпина (Монго), был опубликован в 1843 г. в парижской газете *La Démocratie pacifique: journal des intérêts des gouvernements et des peuples*. Его текст еще ни разу не становился предметом подробного исследования, что обуславливает новизну и актуальность настоящей публикации, которая является частью нашего дальнейшего исследования. Текст академического издания романа и французский перевод А. А. Столыпина были трансформированы в цифровые исследовательские корпуса. Методологической базой стала концепция хронотопа М. М. Бахтина, которая в сочетании с понятием о «тематической сетке» произведения И. В. Арнольд позволяет рассматривать наиболее частотные лексические единицы, актуализирующие дорогу и связанные с ней реалии, в качестве ключевых маркеров топической составляющей хронотопа. Исследование их переводческой интерпретации в сравнительно-семантическом аспекте позволяет оценить воспроизводимость тематической сетки в переводном тексте, а также выявить особенности наиболее регулярно повторяющихся переводческих решений. Дополнительный постпереводческий анализ отобранных микроконтекстов служит для более детального контекстуального анализа и иллюстрации полученных данных. Выявленная в переводе локальная конкретизация наименований, приводящая к некоторой «размытости» тематической сетки хронотопа, не препятствуют формированию художественного пространства романа и позволяет читателю ощутить своеобразие места разворачивания событий.

Ключевые слова

М. Ю. Лермонтов, «Герой нашего времени», А. А. Столыпин (Монго), хронотоп дороги, индивидуальный стиль переводчика, французский язык

Для цитирования

Соловьева Е. А. Интерпретация дороги и связанных с ней реалий в первом переводе романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» на французский язык // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 3. С. 148–164. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-3-148-164

Interpretation of the Road and Associated Realities in the First French Translation of Mikhail Lermontov's Novel "A Hero of Our Time"

Evgeniya A. Solovyeva

*Southern Federal University
Rostov on Don, Russian Federation*

Abstract

The anthropological turn in humanitarian thought stimulated the interest in studying the linguistic personality and individual translator's style. The paper analyses that of A. A. Stolypin (Mongol), a well-known person to the specialists of Russian literature due to his relationships with Mikhail Lermontov, a famous Russian poet. The publication of Lermontov's novel "A Hero of Our Time" became at the time a significant event in the emerging literary life of Russia marked by Western aesthetic influences. The first French translation of this emblematic novel appeared in 1843 in the Parisian newspaper "La Démocratie pacifique: journal des intérêts des gouvernements et des peuples". It was made by mentioned above A. A. Stolypin (Mongol), the poet's close relative and comrade-in-arms who had reasons to leave Russia for some time. The philologists have long known about this translation, but it never became the subject of a close analysis. Filling the existing gap, we aim to introduce this notable translation into scientific circulation. The present paper is part of our research project which is based on Bakhtin's theory of the literary chronotope, since the road chronotope is a crucial component of Lermontov's novel. Coupled with the concept of "thematic grid" by I. V. Arnold, it forms the theoretical framework for the current study. To enhance its statistical validity, we transformed the Russian edition of the novel and Stolypin's French translation into digital research corpus. Through the lens of the above theoretical tools, we view the most frequent lexical units denominating the specific road realities, including those of the North Caucasus, as they are key thematic characteristics of time and place. Therefore, their interpretation may serve to evaluate the reproducibility of the "thematic grid" and reveal the nature of the most consistently repeated translator's solutions. An additional contextual analysis using the reverse translation completes the data and serves for a more detailed and contrasted illustration of the translator's style. Our analysis reveals the existence of a certain "blurring" of the "thematic grid" in the target text generally due to the use of specification of meaning, hyponyms instead of terms with a broader meaning. But this feature of Stolypin's translator style does not hinder the adequate recreation of the source text and allows the reader to feel the originality of the time and space in which the events, closely related to the Caucasus Mountain region, developed.

Keywords

M. Lermontov, "A Hero of Our Time", A. A. Stolypin (Mongol), road chronotope, individual translator's style, French language

For citation

Solovyeva, Evgeniya A. Interpretation of the Road and Associated Realities in the First French Translation of Mikhail Lermontov's Novel "A Hero of Our Time". *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2021, vol. 19, no. 3, p. 148–164. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-3-148-164

1. Введение

Художественный перевод является одним из самых сложных видов перевода, и в настоящее время среди ученых отсутствует единое мнение в определении критериев, которым он должен соответствовать. Даже самый беглый обзор литературных источников наглядно показывает всю противоречивость существующих взглядов, которые варьируются от понимания перевода как неизбежной интерпретации [Seleskovitch, Lederer, 2014] до утверждения того, что от дословного перевода предпочтительно отказываться только при наличии достаточных семантических и прагматических причин [Newmark, 1988. P. 73, XI].

С другой стороны, на фоне стремительных процессов глобализации, происходит заметная переоценка роли перевода и переводчика в социуме и межкультурном взаимодействии. Активно развивающаяся дескриптивная парадигма изменяет и подходы к изучению феномена «индивидуального стиля» переводчика, который не рассматривается более только как некоторое воспроизведение авторского стиля. Предпринимаются попытки анализа переводных текстов во взаимосвязи с различными условиями их создания и в сравнении с текстами других переводчиков. В подобных исследованиях понятие «индивидуальный стиль» часто по-

нимается как своеобразный «отпечаток пальцев» переводчика (*a kind of thumb-print*), который находит свое наибольшее отражение в языковых особенностях переводного текста и регулярности использования тех или иных переводческих решений [Baker 2000. P. 245].

Наряду с этим осознается значимость влияния исторического контекста на понятие перевода и литературный дискурс [Gentzler, 2001]. В этом аспекте анализ переводов, близких ко времени создания тексту оригинала, представляется, на наш взгляд, важным звеном научного исследования.

В настоящей работе мы придерживаемся наиболее общего понимания индивидуального стиля переводчика как мотивированной «манеры перевода» (*way of translating*), которая может отличать работу одного переводчика от других [Saldanha, 2011. P. 30–31], и фокусируем наше исследование на анализе первого перевода романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» на французский язык, автором которого стал Алексей Аркадьевич Столыпин. Цель настоящей работы заключается в изучении особенностей интерпретации в первом переводе романа наиболее частотных лексических единиц (далее ЛЕ), актуализирующих дорогу и связанные с ней реалии.

2. Актуальность и методология исследования

Хотя существование перевода авторства А. А. Столыпина давно известно литературоведам, его текст еще ни разу не становился предметом подробного анализа. Некоторому восполнению данного пробела в истории переводов произведений М. Ю. Лермонтова, а также введению в научный оборот этого весьма интересного свидетельства эпохи и служит настоящая публикация.

Теоретической основой работы послужила концепция хронотопа как формы художественного освоения временных и пространственных отношений [Бахтин, 2000], а также положение о том, что повторяющиеся слова и семы несут главную художественную информацию и образуют «тематическую сетку» произведения [Арнольд, 1984. С. 7].

Хронотоп дороги является одной из важнейших составляющих лермонтовского нарратива и выполняет сюжетобразующую функцию [Меркулова, 2007. С. 109–128]. Он упорядочивает внешнюю (композиционную) структуру романа, представленную в виде путевых записок и личного дневника двух «странствующих» офицеров, а также участвует в формировании внутреннего (онтологического) пространства произведения. Выбор автора не случаен: в мировой культуре образ дороги имеет архетипический характер и часто используется в художественных текстах разных эпох для создания экзистенциальных и метафизических затекстовых референций (см., напр.: [Боголюбов, 2020. С. 170; Ноева, 2021]).

В соответствии с обозначенными выше теоретическими положениями мы рассматриваем наиболее частотные ЛЕ, актуализирующие дорогу и связанные с ней реалии, в качестве основных тематических маркеров хронотопа дороги. Многократно повторяясь на протяжении всего оригинального текста, они формируют топическую составляющую романа, т. е. выполняют роль системных, устойчиво воспроизводящихся элементов в структуре текста. Исследование особенностей их интерпретации в переводе представляется релевантным для оценки воспроизводимости тематической сетки в переводном тексте; по нашему мнению, они также могут давать возможность оценить характер наиболее стабильно повторяющихся переводческих решений на уровне исследуемого фрагмента архитектоники произведения. Подобный подход позволяет, на наш взгляд, уменьшить влияние субъективизма исследователя при отборе эмпирического материала и получить более систематизированное представление о наблюдаемых явлениях. Исследование осуществляется преимущественно в сравнительном семантико-функциональном аспекте. Дополнительный постпереводческий анализ отобранных микроконтекстов с применением методики обратного дословного перевода служит для более детального контекстуального анализа и иллюстрации полученных данных. Всего нами было проанализировано 337 микроконтекстов.

Что касается термина «реалия», то в настоящей работе он трактуется нами в широком смысле, обозначая «предмет, вещь, то, что есть, существует» [ТСРЯ, 2006. С. 671]. В частности, к обозначениям реалий мы относим ЛЕ, которые называют материальные объекты, связанные с дорогой и перемещением по ней.

В качестве основного русскоязычного источника мы использовали академическое издание романа 1954–1957 гг. [Лермонтов, 1957. Т. 6]. Однако ввиду наличия возможных разночтений с публикациями XIX в. мы также обратились к доступным для ознакомления текстам двухтомного издания романа 1843 г. [ГНВ, 1843] и первопечатным журнальным версиям трех глав [ОЗ-2, 1839; ОЗ-6, 1839; ОЗ-8, 1840]. Для удобства количественного анализа текст академического издания и французский перевод А. А. Столыпина были трансформированы в цифровые исследовательские корпуса.

3. Краткие сведения о первом переводчике романа

В первой половине XIX в. русская литература переживает период расцвета и начинает вызывать значительный интерес у западноевропейского читателя. Созданный на стыке различных жанров, нарушающий привычные структурные и хронологические принципы композиции роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» стал первым смелым опытом русской психологической прозы. Уже к концу столетия существовало несколько вариантов его перевода на французский язык [Кандель, 1962]. Они принадлежали перу различных авторов, иногда достаточно далеких от литературы и знания национальных реалий [Шульц, 1883].

Первым переводчиком романа стал Алексей Аркадьевич Столыпин (1816–1858) – представитель аристократии, сын сенатора, внук известного государственного деятеля графа Н. С. Мордвинова и дочери английского консула в Ливорно. Участник кавказских кампаний 1837 и 1840 гг., обороны Севастополя 1855 г. и негласный секундант на роковой пятигорской дуэли, А. А. Столыпин приходился двоюродным дядей М. Ю. Лермонтову и был однополчанином поэта. Среди близких друзей он имел прозвище «Монго» и стал героем одноименной поэмы М. Ю. Лермонтова фривольного содержания [Ашукина-Зенгер, 1948; Недумов, 1974]. Этимология прозвища до конца не выяснена.

После дуэльной истории А. А. Столыпин достаточно длительное время проживал за границей. В 1843 г. он опубликовал в Париже свой перевод романа «Герой нашего времени» в литературном разделе новой ежедневной газеты *La Démocratie pacifique: journal des intérêts des gouvernements et des peuples*, которая начала выходить в августе 1843 г. и просуществовала около девяти лет, ее главным редактором был известный французский философ и социал-утопист Виктор Консидеран (Victor Considerant). Перевод увидел свет в номерах газеты, вышедших в период с 29 сентября по 4 ноября 1843 г. [DP, 1843].

Среди исследователей нет единого мнения в отношении того, что же побудило А. А. Столыпина выполнить перевод и поместить его в этом печатном издании. Наиболее убедительной нам представляется версия о материально-бытовой мотивации, которая следует из его писем к сестре: испытывая за границей финансовые затруднения и не обладая известностью в литературных кругах, А. А. Столыпин воспользовался случайной помощью знакомого литератора, который, вероятно, оказал ему некоторое содействие в размещении перевода в вышеуказанной газете [Недумов, 1974. С. 157–159].

Во всяком случае, знакомство с литературной рубрикой издания за 1843 г. (см.: [DP, 1843]) свидетельствует о том, что выбор материалов для публикации основан не на социальных взглядах авторов, а на литературных достоинствах самих произведений. Так, через день после окончания публикации перевода романа М. Ю. Лермонтова, здесь начала печататься новелла Марселины Деборд-Вальмор «Доменика» (Domenica), а в последующих номерах увидел свет роман Артюра Понруа «Старый поэт» (Le vieux poète).

4. Краткие вводные замечания о произведении и его первом переводе

Роман «Герой нашего времени» публиковался частями. В 1839–1840 гг. в журнале «Отечественные записки» были изданы в виде отдельных повестей главы «Бэла», «Фаталист» и «Тамань», а первое полное издание произведения вышло из печати в 1840 г. Затем последовали переиздания в 1841 и 1843 гг. Текст второго издания содержит дополнительное предисловие автора, написанное уже после опубликования первой полной версии романа. Однако это предисловие не было включено в переиздание 1843 г.

Прежде чем перейти к рассмотрению текста перевода, необходимо отметить, что в нем отсутствует упомянутое предисловие ко второму изданию, а заглавие интерпретировано достаточно вольно с дополнительным уточнением: «Un héros du siècle, ou les Russes dans le Caucase» («(Один) герой века, или Русские на Кавказе»). Нельзя не согласиться с тем, что подобная трактовка несет в своей первой части усиленную референцию на известный роман А. де Мюссе «La confession d'un enfant du siècle») («Исповедь сына века») [Фокин, 2014. С. 829]. С другой стороны, следует учитывать, что в сохранившейся черновой рукописи романа присутствует иное заглавие – «Один из героев нашего века», вариант прочтения «Один из героев начала века» [Герштейн, 1976. С. 30; Дурылин, 2006. С. 15]. А журнальное издание «Бэлы» имеет подзаголовок «Из записок офицера о Кавказе» [ОЗ-2, 1839. С. 167]. Поэтому мы полагаем, что интерпретация заглавия может быть обусловлена еще и тем, что А. А. Столыпин был в той или иной мере знаком с рукописными и/или первопечатными версиями произведения.

Кроме того, нельзя не принимать во внимание его возможное желание заинтересовать читателя того времени довольно распространенным приемом, то есть придав заглавию некоторый национальный и географический колорит. Похожее стремление можно встретить и в других переводах романа XIX в. Например: «Bela, ou Un héros de notre époque. Nouvelle circassienne» («Бэла, или Герой нашей эпохи. Черкесская повесть, 1853, автор перевода Жан-Мари Шопен); «Petchorine ou un héros d'aujourd'hui. Scènes de la vie russe dans le Caucase» («Печорин или сегодняшний герой. Сцены русской жизни на Кавказе», 1855, автор перевода Эдуард Шеффтер) (см.: [Кандель, 1962]).

В пользу использования в качестве исходного текста полного издания, а не отдельных журнальных версий наиболее явно говорит отсутствие в переводе фразы, которая была исключена уже в первой полнотекстовой публикации. Этот факт редакционной правки, обусловленной почти дословным повторением фрагмента в тексте «Бэлы», хорошо известен литературоведам. Прочитав (курсив наш, здесь и далее сохранена орфография источников):

Тамань, 1839 г.	А. А. Столыпин, 1843 г.
Какъ камень, брошенный въ гладкій источникъ, я встревожилъ ихъ спокойствие, и какъ камень едва самъ не пошелъ ко дну! <i>А право я ни въ чемъ виноватъ: любопытство вещь свойственная всѣмъ путешествующимъ и записывающимъ людямъ.</i>	J'avais troublé leur vie tranquille comme la pierre brutale trouble le cristal de l'onde limpide dans laquelle on la jette. Et comme la pierre, hélas ! J'avais failli rester au fond.

В начале перевода указана фамилия переводчика: «Traduit du russe par M. Stolipine» («Переведено с русского г-ном Столыпиным») с пометой, оформленной в виде постраничной сноски: «La reproduction de ce roman ne peut avoir lieu sans l'autorisation du traducteur» («Воспроизведение романа не допускается без разрешения переводчика»). В конце публикуемых фрагментов указывается авторская принадлежность романа: «DE LERMONTOFF».

5. Маркеры хронотопа дороги и их переводческая интерпретация

Анализ частотного профиля романа свидетельствует о том, что топическая составляющая хронотопа дороги сформирована следующими основными элементами: 1) описанием дороги как линейного участка суши или моря, служащего для коммуникации; 2) описаниями окружающего дорогу пространства (ландшафта, географических объектов); 3) репрезентаций средств передвижения и реалий, связанных с путешествием.

5.1. Дорога как линейный участок пространства, служащий для коммуникации

Наиболее частотные ЛЕ, актуализирующие **дорогу** как линейный участок пространства, используемый для коммуникации, представлены следующими ЛЕ: *дорога* (35 употреблений в романе / 28 микроконтекстов), *путь* (12 употреблений / 12 микроконтекстов), *бульвар* (10 употреблений / 10 микроконтекстов) и *тропинка* (7 употреблений / 7 микроконтекстов).

Наблюдения показывают, что интерпретация лексемы *дорога* при ее использовании в своем наиболее конкретном и референциально четко соотношенном значении (21 употребление / 19 микроконтекстов), отличается стремлением к контекстуальной конкретизации (11 микроконтекстов), которая чаще всего реализуется путем распределения функциональных значений лексемы *дорога* между ЛЕ *route* и *chemin*. Данный факт может быть объяснен тем, что А. А. Столыпин был в той или иной степени знаком с описываемой в романе местностью. Рассмотрим пример.

Лермонтов	Столыпин	Обратный перевод (здесь и далее перевод наш. – Е. С.)
<...> на его вершине чернелся каменный крест, и мимо его вела едва-едва заметная дорога, по которой проезжают только тогда, когда боковая завалена снегом; наши извозчики объявили, что обвалов еще не было, и, сберегая лошадей, повезли нас кругом.	Sur le sommet se dressait une croix de pierre ; au pied de la croix passait un chemin à peine visible, que gravissent les voyageurs lorsque l'autre, moins élevé, est obstrué par les neiges. Nos postillons, pour ménager leurs chevaux, prirent la route d'en bas ; ils assuraient qu'il n'était point encore tombé d'avalanches.	На вершине возвышался каменный крест; у подножия креста проходила едва заметная дорога, по которой взбираются путешественники, когда другая, менее возвышенная, завалена снегом. Наши извозчики, чтобы поберечь своих лошадей, отправились по нижней дороге; они уверяли, что лавин еще не было.

В приведенном фрагменте речь идет о подъеме по Военно-Грузинской дороге со стороны так называемой Чертовой долины к Крестовому перевалу. В конце 30-х гг. XIX века использовались две ветки дороги: первая, пологая и более широкая, понизу огибала Крестовую гору, а вторая, узкая и крутая, вела по склону вверх. Переводчик, имевший опыт поездок в Тифлис, топографически точно заменяет характеристику *боковая* на *moins élevé*, а выражение *повезти кругом* интерпретирует как *prendre la route d'en bas*. Избегая, в соответствии с французской нормой, повтора ЛЕ *chemin*, он адекватно различает номинации *chemin* и *route*, которые могут соответствовать русской ЛЕ *дорога*, но не являются семантически равноценными. Французская лексема *route*, обычно обозначающая относительно широкую дорогу с достаточно интенсивным движением, оказывается мало приемлемой для номинации узкого грунтового подъема, повторяющего все неровности склона, но может быть окказио-

нально использована для номинации более пологой и наезженной боковой дороги. Обращение к глаголу *gravir* для актуализации передвижения по узкой и крутой дороге тоже контекстуально обусловлено.

В следующем контексте для номинации всё той же боковой дороги переводчик уже обращается к ЛЕ *chemin*, так как она точнее соответствует описываемой реалии и ее дальнейшей вербальной характеристике (*fort étroit*).

Лермонтов	Столыпин	Обратный перевод
И точно, дорога опасная: направо висели над нашими головами груды снега, готовые, кажется, при первом порыве ветра оборваться в ущелье; узкая дорога частью была покрыта снегом ...	Le chemin était dangereux : à notre droite pendaient sur nos têtes des masses de neige prêtes à crouler sur nous au premier coup de vent ; le chemin, fort étroit, était en partie obstrué.	Дорога была опасной: справа висели над нашими головами груды снега, готовые обрушиться на нас при первом порыве ветра; очень узкая дорога была частично завалена.

Убирая элемент предположения (ЛЕ *кажется*), добавляя наречие *fort*, заменяя фрагмент *оборваться в ущелье* на *crouler sur nous* и конкретизируя описание дороги (*покрыта снегом*) до (*chemin*) *en partie obstrué*, он усиливает впечатление опасности преодоления горного перевала, что вполне соответствует реалиям того (и даже иногда нынешнего) времени.

Отметим, что тексте перевода ЛЕ *chemin* имеет 25 употреблений, а ЛЕ *route* – 27, что позволяет говорить об устойчивом и сопоставимом присутствии обеих лексем в тематической сетке хронотопа. При этом эпитеты, характеризующие обычно малоиспользуемую или малопроезжую дорогу (*tortueux, poudreux, étroit, escarpé, à peine frayé, à peine visible*), переводчик использует в сочетании с лексемами *chemin* или *sentier*, но не использует с ЛЕ *route*, что дополнительно подтверждает его достаточно четкое представление об отличиях семантического объема данных ЛЕ.

Аналогичное обращение к конкретизации можно наблюдать и в следующем примере.

Лермонтов	Столыпин	Обратный перевод
Давно уж не слышно было ни звона колокольчика, ни стука колес по кремнистой дороге, – а бедный старик еще стоял на том же месте в глубокой задумчивости.	Il y avait longtemps qu'on n'entendait plus ni le son de la clochette ni le bruit des roues sur le pavé, et le malheureux capitaine était encore à la même place, en proie à de pénibles réflexions.	Давно уже не было слышно ни звука колокольчика, ни шума колес на мостовой, а несчастный капитан был всё еще на том же месте, во власти тягостных раздумий.

Интерпретация *кремнистой дороги* как *ravé* может показаться несколько парадоксальной, поскольку ЛЕ *ravé* обычно номинирует *мостовую*. Тем более, что словосочетание *chemin pierreux* встречается в тексте перевода и используется для передачи синонимичного выражения *каменистая дорога*. Прочитируем:

Лермонтов	Столыпин	Обратный перевод
Я беспощадно погонял измученного коня, который, хрипя и весь в пене, мчал меня по каменистой дороге.	Je fouettais sans relâche l'animal épuisé, qui, couvert d'écume et respirant avec effort, m'emportait rapidement sur un chemin pierreux.	Я безостановочно хлестал измученное животное, которое, покрытое пеной и с усилием дыша, быстро уносило меня по каменистой дороге.

Однако следует учитывать, что описываемые события разворачиваются во Владикавказе, на городской площади, недалеко от крепости. Коллокативная конструкция *sur le pavé (d'une ville)* являлась привычной для языка эпохи и могла актуализировать совокупность улиц и площадей города¹. Однако данная конкретизация более ориентирована на французскую действительность, поскольку мощение на улицах Владикавказа в то время часто отсутствовало.

ЛЕ *путь* имеет в тексте романа 12 употреблений (12 контекстов), из которых в семи случаях она служит для более общего обозначения дороги, а в четырех для ее метафорической актуализации. Подобное функционирование ЛЕ *путь* в тексте произведения порождает заметное контекстуальное разнообразие переводческих решений. А. А. Столыпин, в частности, обращается к таким лексемам как *route, chemin, passage, voie*. Однако в ситуациях можно выявить уже отмеченное стремление к конкретизации. Например:

Лермонтов	Столыпин	Обратный перевод
<...> у ворот крепости часовой загородил ему путь ружьем <...>	A la porte du fort la sentinelle croisa sa baïonnette sur lui <...>	У ворот форта часовой направил на него штык.
Там путь всё становился уже, утесы синее и страшнее, и, наконец, они, казалось, сходились непроницаемой стеной.	Là-bas, le chemin allait se rétrécissant toujours, les rochers devenaient plus bleus et plus menaçants ; il me sembla qu'ils se soudaient enfin en muraille gigantesque.	Там дорога шла сужаясь, скалы становились всё синее и всё грознее; мне показалось, что они смыкались, наконец, в гигантскую стену.

Для перевода выражения *загородить путь ружьем* А. А. Столыпин использует французский термин штыкового боя (*croiser la baïonnette*), который максимально точно описывает действия часового, состоящие в том, что последний принимает боевую стойку, направляя штык своего оружия на Казбича. Во втором случае обращение к ЛЕ *chemin* обусловлено контекстом, который отсылает к узкой горной дороге, ведущей к месту дуэли Печорина и Грушницкого.

Лексемы *тропинка* и *бульвар* употребляются в романе только в прямом значении. Для их перевода А. А. Столыпин использует соответственно ЛЕ *sentier* и *boulevard*, причем последняя имеет уже устаревшую орфографию. Дополнительный анализ также свидетельствует о стремлении к определенной конкретизации их контекстуальных описаний в соответствии с существующей действительностью. Рассмотрим пример.

Лермонтов	Столыпин	Обратный перевод
Под мышкой он нес какой-то узел и, повернув к пристани, стал спускаться по узкой и крутой тропинке.	Il portait un paquet sous le bras, et ayant tourné vers le port, il descendit un sentier étroit et glissant.	Он нес под мышкой какой-то сверток и, свернув к порту, спустился по узкой и скользкой тропе.

Заменяя характеристику *крутая* (тропинка) (*sentier escarpé*) на *скользкую* (*sentier glissant*) переводчик отступает от текста оригинала, но его характеристика вполне согласуется с реальностью, поскольку берег в районе станицы Тамань представлен достаточно скользкими песчано-глинистыми отложениями.

¹ TLFi: URL: <http://atilf.atilf.fr/tlfv3.htm>.

5.2. Окружающее дорогу пространство

Репрезентация в романе окружающего пространства происходит при помощи таких наиболее частотных ЛЕ как *гора* (47 употреблений / 40 микроконтекстов), *ущелье* (20 употреблений / 19 микроконтекстов), *скала* (18 употреблений / 18 контекстов), *аул* (8 употреблений / 8 микроконтекстов), *слободка* (6 употреблений / 6 микроконтекстов), а также топонима *Кавказ* (14 употреблений / 14 контекстов). Для этой цели служат и некоторые другие собственные наименования географических объектов, среди которых наиболее частотными оказываются: *Кисловодск* (9 употреблений / 9 микроконтекстов), *Машук* (8 употреблений / 8 микроконтекстов), *Пятигорск* (7 употреблений / 7 микроконтекстов). Наблюдения показывают, что выбор переводчиком лексических средств, используемых для актуализации особенностей ландшафта тоже заметно адаптирован к реальному рельефу местности. Прочитируем:

Лермонтов	Столыпин	Обратный перевод
<...> кругом амфитеатром возвышаются синие громады Бешту, Змеиной, Железной и Лысой горы.	Les pics du Beshtau, les cimes du mont des Serpents et du mont de Fer s'élèvent au-dessus en amphithéâtre.	Острые вершины Бешто, вершины Змеиной горы и Железной горы возвышаются амфитеатром.
Золотые облака громоздились на горах, как новый ряд воздушных гор; <...>.	Des nuages dorés s'entassant, sur les montagnes, leur formaient de nouveaux sommets aériens ; <...>	Золотистые облака, теснясь над горами, создавали им новые воздушные вершины; <...>
Верстах в трех от Кисловодска, в ущелье, где протекает Подкумок, есть скала, называемая Кольцом; <...>	A trois werstes de Kislovodsk, dans une vallée arrosée par le Podcoumok, se trouve un rocher qu'on appelle l'Anneau.	В трех верстах от Кисловодска, в долине, орошаемой Подкумком, находится скала, которую называют Кольцо.
Со всех сторон горы неприступные, красноватые скалы, обвешанные зеленым плющом <...>	De tous côtés, des pics inaccessibles, des roches rougeâtres, festonnées de lierre <...>	Со всех сторон неприступные вершины, красноватые скалы, увитые плющом <...>
Налево чернело глубокое ущелье; за ним и впереди нас темно-синие вершины гор, <...>	A notre gauche une gorge ouvrait ses noirs abymes ; devant nous des pics bleuâtres, <...>	Слева от нас ущелье открывало свои черные бездны; впереди нас – голубоватые вершины <...>

Так, при переводе фразы *ущелье, где протекает Подкумок* (течение реки Подкумок в окрестностях Горы Кольцо) используется ЛЕ *vallée* (долина; лощина). Это вполне соответствует топографии местности, поскольку долина Подкумка в этом районе достаточно широкая. Для номинации же более узких ущелий переводчик обычно обращается к ЛЕ *gorge* (каньон; теснина). В целом заметная контекстуальная адаптация ЛЕ *ущелье* при помощи лексемы *vallée* выявляется в семи микроконтекстах, а при помощи ЛЕ *gorge* – в восьми. Частотность употребления лексем *vallée* и *gorge* составляет 17 и 14 употреблений соответственно, что говорит об их сопоставимом присутствии в тематической сетке текста. Интерпретируя фрагмент *синие громады Бешту, Змеиной, Железной и Лысой горы*, переводчик дополнительно конкретизирует описания и точно адаптирует сообразно географическим объектам ЛЕ *pic* (острая вершина) и *cime* (вершина). Наряду с этим, он опускает ороним *Лысая гора* (вариант перевода: *le mont Chauve*).

Перевод названий географических объектов реализуется не только при помощи транскрипции (*Piatigorsk, Kislovodsk, Larse, Mashouk, Casbek* и т. д.), но и путем их полного пере-

вода, что в сочетании с достаточно активным использованием переводческой сноски свидетельствует о желании эксплицировать незнакомые для зарубежного читателя кавказские реалии. Например: *Gué-Pierreux* (Каменный Брод, досл. каменистый брод), *mont / montagne de la Croix* (Крестовая Гора, досл. Гора Креста). Передача географических реалий, актуализированных апеллятивами тоже осуществляется либо путем транскрипции, либо путем подбора адекватных замен. Так, ЛЕ *аул* передается путем транскрипции (*aoul*) с дополнительным подстрочным комментарием, для интерпретации *слободки* во всех случаях избирается ЛЕ *village*. В написании имен собственных достаточно часто встречаются различные опечатки и некоторые неточности, что, возможно, обусловлено как ошибками французского наборщика, так и неразборчивостью почерка А. А. Столыпина, которую отмечают исследователи [Недумов, 1974. С. 158]. Звук [ʃ] иногда передается буквосочетанием *-sh*, что характерно для английского языка.

Интерпретация таких типичных ландшафтных объектов, как *гора* и *скала*, обусловлена как контекстуальным, так и лингвистическим факторами. Французские лексемы *mont* и *montagne*, обозначающие *гору*, семантически очень близки и часто выступают в качестве синонимов. Однако использование ЛЕ *mont* в сочетании с именем собственным является несколько более привычным. Помимо этого, ЛЕ *mont* точнее передает идею отдельно стоящей горы. Данные моменты находят свое отражение в переводе (см. примеры выше). В целом данный фрагмент тематической сетки формируется за счет ЛЕ *montagne*, которая встречается в тексте перевода 47 раз, тогда как лексема *mont* имеет только 9 употреблений, причем существенно и показательно то, что в 8 случаях она входит в состав топонимов. Иногда образ *горы* метонимически конкретизируется путем замены на лексемы *rocher* (скала), *pic* (острая вершина), *sommet* (вершина).

Лексемы *roche* и *rocher*, при помощи которых может быть интерпретирована *скала* обычно используются переводчиком в качестве синонимов. В тематической сетке переводного текста ЛЕ *rocher* (24 употребления) заметно доминирует над ЛЕ *roche* (7). Возможно, это связано с тем, что ЛЕ *rocher* несколько более точно передает принадлежность скалы к горному массиву.

Пейзаж имманентно связан со структурой произведения: он служит фоном, на котором разворачиваются события, дополнительно эксплицирует внутренний мир героев и является отражением философских размышлений и мировосприятия автора. Присутствующие в романе пейзажные описания сочетают в себе поэтическую лиричность с почти документально точной топографической соотнесенностью. Их перевод может представлять определенные сложности. В ряде случаев переводчик руководствуется собственным восприятием действительности. Так, переводя фрагмент «...на его вершине *чернелся* каменный крест...» (см. пример выше), он ограничивается констатацией факта: «Sur le sommet *se dressait* une croix de pierre...» (На вершине *возвышался* каменный крест <...>). Он не пытается передать более точно глагол *чернеться*, что было бы в данном случае возможным при помощи словосочетаний *se dessiner (se profiler, se détacher) en noir (sur le fond clair de la neige)*. Сохранение авторской палитры представляется существенным, поскольку использование цвета свойственно живописному языку М. Ю. Лермонтова, а прилагательное *черный* занимает 232 позицию в тысяче наиболее частых слов его поэтического словаря [ЧСЯЛ, 1981]. Достаточно вспомнить лермонтовскую «Тамару» 1841 г.: «В глубокой теснине Дарьяла, Где роется Терек во мгле, Старинная башня стояла, *Чернея на черной скале*».

В другом месте, переводя описание вида, открывающегося с Койшаурской горы на узкое и обрывистое ущелье Белой Арагвы, А. А. Столыпин всё же находит вполне уместное контекстуальное решение для фразы «Налево *чернело* глубокое ущелье...», передавая ее как «À notre gauche une gorge *ouvrait ses noirs abîmes*...» (совр. орфография – *abîme* или *abime*). Заметим, что положение прилагательного, обозначающего цвет, перед существительным на первый взгляд кажется несколько непривычным. Однако в литературных текстах препозиция данной категории прилагательных тоже может использоваться для изменения их экспрессив-

ной нагрузки и в случаях метафорического употребления [Nølke, 1996. P. 43–44]. Можно полагать, что в процитированном примере это связано с активной метафорической семиотизацией цветовой характеристики, символизирующей бездонность бездны. В частности, коллокация *noirs abymes* имела в то время достаточно привычный характер. Приведем в качестве одного поэтического примера: «Neptune soulève son onde, Les noirs abymes sont ouverts» [Voltaire, 1832. P. 426].

5.3. Средства передвижения и связанные с путешествием реалии

Среди ЛЕ, номинирующих различные наземные средства передвижения, наиболее употребительными являются: *каре́та* (10 употреблений – 7 микроконтекстов), *коляска* (9 употреблений – 7 микроконтекстов) и *повозка* (5 употреблений – 5 микроконтекстов). Перечисленные ЛЕ дополнительно маркируют социальный статус персонажей, поэтому их устойчивое воспроизведение представляется, на наш взгляд, достаточно важным. Переводчик следует авторской градации:

Лермонтов	Столыпин	Обратный перевод
Саяя княжну в карету, я быстро прижал ее маленькую ручку к губам своим.	En reconduisant la princesse à la voiture, je pressai rapidement sa jolie main sur mes lèvres.	Провожая княжну обратно к карете, я быстро прижал ее красивую руку к своим губам.
Коляска была уж далеко; но Печорин сделал знак рукой, который можно было перевести следующим образом: вряд ли! Да и зачем?..	La calèche était déjà loin ; mais Petchorine fit un signe de la main qui pouvait se traduire ainsi : jamais, et à quoi bon ?	Коляска была уже далеко; но Печорин сделал знак рукой, который можно было перевести так: никогда, да и зачем?
Первый день я провел очень скучно; на другой рано утром въезжает на двор повозка <...>	Je passai toute cette première journée de la façon la plus maussade. Le lendemain, de grand matin, un chariot entra dans la cour.	Весь первый день я провел самым унылым образом. На следующий день рано утром во двор въехала повозка.

Для перевода ЛЕ *каре́та* А. А. Столыпин использует гипероним *voiture*. Можно полагать, что данное решение следует рассматривать не как проявление универсалии упрощения, а как следование лингвистическим тенденциям эпохи, так как уже к концу XIX столетия словари рекомендуют использовать лексему *voiture* вместо *carrosse* для номинации кареты [Makaroff, 1887. С. 167]. Такую реалию, как *коляска*, переводчик конкретизирует при помощи ЛЕ *calèche*, которая соотносится с легким дорожным экипажем с откидным верхом. Для актуализации *повозки*, (средства передвижения минимальной комфортности), обычно используется ЛЕ *chariot* (повозка, телега, тележка). Только в одном случае переводчик отступает от такой интерпретации:

Лермонтов	Столыпин	Обратный перевод
<...> часто здесь, в глухую ночь, по этой дороге, где две повозки не могут разехаться, какой-нибудь курьер раз десять в год проезжает, не вылезая из своего тряского экипажа.	<...> sur cette route, où deux équipages ne peuvent aller de front, que de fois passe un courrier, emporté à toute bride et par une nuit sombre, sans quitter son fragile chariot.	<...> по этой дороге, где два встречных экипажа не могут разехаться, иногда на полной скорости и темной ночью проезжает какой-нибудь курьер, не выходя из своей непрочной повозки.

Возможно, что это отступление от буквы текста тоже отчасти связано с его личным опытом, поскольку средства передвижения, используемые курьерами, не отличались особой комфортностью. Кроме того, ЛЕ *chariot* оказывается более совместимой с избираемой переводчиком вербальной характеристикой (*fragile*). Наряду с этим отметим, что для интерпретации езды на *перекладных* А. А. Столыпин использует словосочетание (*en*) *chariot de poste*, в то время как переезд на *перекладной тележке* он актуализирует при помощи словосочетания, включающего в себя гипероним: (*en*) *voiture de poste*.

В XIX в. животные являлись привычным средством передвижения. ЛЕ *лошадь* употребляется в тексте романа 63 раза (52 микроконтекста) и 2 раза в форме диминутива, ЛЕ *конь* – 24 раза (20 микроконтекстов), а ЛЕ *скакун* имеет 6 употреблений (6 микроконтекстов) и в 5 случаях используется для номинации Карагеца (лошади Казбича). Перевод первых двух лексем обычно реализуется при помощи ЛЕ *cheval* (112 употреблений), которая и участвует в формировании тематической сетки в переводном тексте. А. А. Столыпин лишь изредка употребляет гиперонимы *animal* (животное; 4 раза) и *monture* (верховое животное; 2 раза). Лексему *coursier* (скакун; конь), содержащую дополнительную поэтическую коннотацию, переводчик использует дважды и только по отношению к лошади Казбича, что соответствует авторской тенденции, которая продиктована спецификой литературного образа.

Что же касается водных средств передвижения, то наиболее частотной оказывается ЛЕ *лодка*, которая встречается в романе 15 раз (12 микроконтекстов) в своей основной форме и 3 раза в форме диминутива *лодочка* (1 микроконтекст), актуализированном переводчиком однократно в стихотворном фрагменте при помощи ЛЕ *chaloupe*. Во всех случаях ЛЕ *лодка* употребляется в романе в прямом предметном значении.

В отличие от оригинала, интерпретация реалии *лодка* отличается разнообразием, которое не является достаточно мотивированным и может быть отчасти объяснено стремлением избежать повторов. А. А. Столыпин использует в качестве синонимов такие французские ЛЕ как: *bateau* (5 употреблений), *barque* (3), *embarcation* (2), *chaloupe* (3), *esquif* (1). Их общей семантической основой выступает значение сравнительно небольшого плавательного средства. Протицируем в качестве иллюстративного примера:

Лермонтов	Столыпин	Обратный перевод
Тяжелые волны мерно и ровно катились одна за другой, едва приподымая одинокую лодку, причаленную к берегу. «Взойдем в лодку», – сказала моя спутница; я колебался, я не охотник до сентиментальных прогулок по морю; но отступить было не время. Она прыгнула в лодку, я за ней, и не успел еще опомниться, как заметил, что мы плывем.	Les vagues fatiguées rولاient pesamment l'une sur l'autre, et soulevaient à peine une frêle embarcation amarrée au rivage. – Entrons dans ce bateau, me dit ma compagne. J'hésitai une seconde. Je suis peu partisan des promenades sentimentales à la belle étoile et sur mer ; mais il était trop tard pour reculer. Elle s'élança la première, je la suivis, et bientôt je remarquai que la barque filait rapidement.	Усталые волны тяжело накатывались друг на друга и едва приподнимали хрупкую лодку, пришвартованную у берега. – Взойдем на это судно, – сказала мне моя спутница. Я поколебался секунду. Я не большой сторонник сентиментальных ночных прогулок под открытым небом и на море; но отступить было слишком поздно. Она устремилась первой, я последовал за ней и вскоре заметил, что лодка быстро движется.

Помимо этого, переводчик вводит дополнительные описательные характеристики, содержащие идиоматические выражения, отсутствующие в авторском тексте: (*emporté*) *à toute bride* и *à la belle étoile*.

Среди частотных лексических средств, актуализирующих другие связанные с путешествием реалии, можно выделить ЛЕ *чемодан* (11 употреблений – 9 микроконтекстов). В 10 случаях для ее перевода использована ЛЕ *malle*, лишь в одном имеет место метонимическая конкретизация:

Лермонтов	Столыпин	Обратный перевод
Я вытащил из чемодана восковой огарок и, засветив его, стал раскладывать вещи <...>	Je tirai de ma malle un bout de bougie, et l'ayant allumé, je me mis à ranger mes effets <...>	Я вынул из дорожного чемодана огарок свечи и, зажгя его, стал раскладывать свои вещи.
Лакей, не оборачиваясь, бормотал что-то про себя, развязывая чемодан.	Le domestique, sans se déranger, continua de défaire les courroies.	Слуга, не обращая внимания, продолжал расстегивать ремни.

Переводчик настойчиво избегает употребления ЛЕ *valise*, что может быть объяснено не только его желанием максимально точно интерпретировать данную реалию (*более напоминающую дорожный сундук*), но и дополнительным устаревшим значением ЛЕ *valise*, которая могла использоваться для номинации мягкого цилиндрического чемодана, закрепляемого на крупе лошади².

Заметную частотность в романе имеют также лексемы *верста* (14 употреблений – 14 микроконтекстов) и *извозчик* (7 употреблений – 7 микроконтекстов). В первом случае переводчик всегда прибегает к транслитерации *werste*, а во втором использует французскую ЛЕ *postillon*, тоже привносящую элемент конкретизации, так как она более соответствует русской ЛЕ *ямщик*, которая обозначала извозчика на почтовых лошадях.

6. Выводы

Проанализированный перевод отличают уверенное и достаточно нюансированное владение переводящим языком и его изобразительными средствами. Интерпретация дороги и связанных с ней реалий отличается заметным стремлением к контекстуальной конкретизации, поскольку ориентирована не только на текст произведения, но и на собственное восприятие современной переводчику действительности. Она характеризуется достоверностью и знанием деталей, которые могут быть объяснены наличием у А. А. Столыпина сопоставимого с автором военно-профессионального и бытового опыта.

По отношению к оригиналу переводчик рассматривает себя в качестве «корректора» произведения, стремясь адаптировать перевод к знакомой ему материальной реальности. Подобная установка не противоречила взглядам, присутствующим во Франции еще со времени Франсуа де Малерба, который оставлял за переводчиком право видоизменять авторский текст для устранения неясностей, несоответствий и неточностей как фактологического, так и лингвистического характера [Horguelin 1981. P. 78]. Кроме того, тенденция к «улучшению» оригинального текста была типичной для периода классицизма, эстетическое влияние которого еще ощущалось в России в первой половине XIX столетия (см., например: [Эткинд, 1973; Burnett, Lygo, 2013]). Однако в ряде случаев отступления от буквы текста не имеют достаточно весомых причин, связанных с французской конвенциональной нормой, и обусловлены лингвистическими предпочтениями переводчика.

В целом можно сказать, что выявленные расхождения приводят к некоторой локальной размытости «тематической сетки» хронотопа, возникающей чаще всего из-за переводческой конкретизации, но не препятствуют формированию художественного пространства произве-

² TLFi: URL: <http://atilf.atilf.fr/tlfv3.htm>.

дения и не лишают читателя возможности ощутить своеобразие места разворачивания событий.

Список литературы

- Арнольд И. В.** Лексико-семантическое поле в языке и тематическая сетка текста. Текст как объект комплексного анализа в вузе. Л., 1984. С. 3–11.
- Ашукина-Зенгер М. Г.** О воспоминаниях В. В. Бобарькина о Лермонтове. М.: Изд-во АН СССР, 1948. Кн. II. С. 741–760.
- Бахтин М. М.** Эпос и роман (Формы времени и хронотопа в романе). СПб: Азбука, 2000. С. 11–193.
- Боголюбов А. Ф.** Об истоках анонимной русской версии «Марша шпионов» Р. Киплинга // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, вып 4. С. 159–176.
- Герштейн Э. Г.** Герой нашего времени М. Ю. Лермонтова. М.: Художественная литература, 1976. 128 с.
- Дурылин С. Н.** «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова. Комментарии. М.: Мультира-тура, 2006. 296 с.
- Кандель Б. Л.** Библиография переводов романа «Герой нашего времени» на иностранные языки. М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 203–218.
- Меркулова И. И.** Хронотоп дороги в русской прозе 1830–1840-х годов: Дис. ... канд. филол. наук: Самарский гос. пед. ун-т. Самара, 2007. 221 с.
- Недумов С. И.** Лермонтовский Пятигорск. Ставрополь: Книжное издательство, 1974. 307 с.
- Ноева (Карманова) С. Е.** Лиминальный мир в якутской культуре: роль и место человека в пространстве дороги // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, вып. 1. С. 40–52.
- Фокин С. Л.** Загадки и задачи двух французских переводов «Героя нашего времени»: Монго и Борис де Шлецер. Мир Лермонтова, 2015. С. 823–836.
- Шульц В. К.** Лермонтов в переводе французских писателей. 1842–1875. Русская старина, 1883. С. 457–472.
- Эткинд Е. Г.** Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина. Л.: Наука, 1973. 248 с.
- Baker, M.** Towards a methodology for investigating the style of literary translator. *Target*, 2000, vol. 12, p. 241–266.
- Burnett, L., Lygo, E.** The Art of Accommodation: Literary Translation in Russia. Peter Lang, 2013, 309 p.
- Gentzler, E.** Translation, hypertext, and creativity: Contemporary translation theories. Bristol: Multilingual Matters, 2001, 232 p.
- Horguelin, P. A.** Anthologie de la manière de traduire: domaine français. Liguattech, 1981, 230 p.
- Newmark, P.** A textbook of translation. Shanghai foreign language education press [New York: Prentice hall], 1988, 292 p.
- Nølke, H.** Où placer l'adjectif épithète ? Focalisation et modularité. *Langue française*, 1996, p. 38–58.
- Saldanha, G.** Translator style: Methodological considerations. *The Translator*, 2011, vol. 17, no. 1, p. 25–50.
- Seleskovitch, D., Lederer, M.** Interpréter pour traduire. Paris, Les Belles Lettres, 2014, 432 p.

Список источников

- Лермонтов М. Ю.** Герой нашего времени. Ч. 1–2. СПб.: В Тип. Ильи Глазунова и К°, 1843. (ГНВ)
- Лермонтов М. Ю.** Тамань // Отечественные записки, 1840, т. 8, № 2, отд. III. С. 144–154. (ОЗ-8)
- Лермонтов М. Ю.** Фаталист // Отечественные записки, 1839, т. 6, № 11, отд. III. С. 146–158. (ОЗ-6)
- Лермонтов М. Ю.** Бэла // Отечественные записки, 1839, т. 2, № 3, отд. III. С. 167–212. (ОЗ-2)
- Лермонтов М. Ю.** Сочинения: В 6 т. АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкин. Дом). Т. 6. Проза. Письма. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957.
- Stolipine A. A.** (trad.) « Un héros du siècle ou Les Russes dans le Caucase ». Démocratie pacifique. Paris, 1843. 29 sept.- 4 nov. (DP) URL : <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/cb32755585p/date>
- Voltaire.** Œuvres complètes de Voltaire, avec des remarques et des notes historiques, scientifiques et littéraires revues par une société d'hommes de lettres. Théâtre. Tome II. Paris : Bazouge-Pigoreau, 1832. URL: <https://books.google.ru/books?id=y1VHAQAAMA AJ&printsec=frontcover&hl=fr#v=onepage&q&f=false>

Список словарей

- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.** Толковый словарь русского языка. М., 2006. 944 с. (ТСРЯ)
- Частотный словарь языка М. Ю. Лермонтова. Лермонтовская энциклопедия. М.: Сов. энцикл., 1981. С. 717–774. (ЧСЯЛ)
- Makaroff N. P.** Dictionnaire français-russe complet, СПб., 1887. 1086 p.

References

- Arnold, I. V.** Lexical-semantic field in the language and the thematic grid of the text. Text as an object of complex analysis at the university. Leningrad, 1984, p. 3–11. (in Russ.)
- Ashukina-Zenger, M.** About Bobarykin's memories of Lermontov. In: M. Yu. Lermontov of Academy of Sciences of the USSR. Institute of Rus. lit. (Pushkin. House), Moscow, 1948, vol. II, p. 741–760. (in Russ.)
- Baker, M.** Towards a methodology for investigating the style of literary translator. *Target*, 2000, vol. 12, p. 241–266.
- Bakhtin, M. M.** Epic and novel (Forms of Time and of the Chronotope in the Novel). St. Petersburg, Azbuka, 2000, p. 11–193. (in Russ.)
- Bogolubov, A. F.** On the Origins of the Russian Anonymous Spies' March Version. *NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 4, p. 159–176. (in Russ.)
- Burnett, L., Lygo, E.** The Art of Accommodation: Literary Translation in Russia. Peter Lang, 2013. 309 p.
- Durylin, S. N.** “A Hero of Our Time” by M. Yu. Lermontov. Comments. Moscow, Multiratura, 2006, 296 p. (in Russ.)
- Etkind, E. G.** Russian poets-translators from Trediakovsky to Pushkin. Leningrad: Nauka, 1973, 248 p. (in Russ.)
- Fokin, S. L.** Riddles and Tasks of Two French Translations of “A Hero of Our Time”: Mongo and Boris de Schloezer. In: *Lermontov's World*, 2015, p. 823–836. (in Russ.)
- Gentzler, E.** Translation, hypertext, and creativity: Contemporary translation theories. Bristol, Multilingual Matters, 2001, 232 p.
- Horguelin, P. A.** Anthology of how to translate: French domain. Linguatex, 1981, 230 p. (in French)

- Gershtein, E. G.** “A Hero of Our Time” by M. Yu. Lermontov. Moscow, 1976, 128 p. (in Russ.)
- Kandel, B. L.** The bibliography of translations of the novel “A Hero of Our Time” into foreign languages. In: M. Yu. Lermontov. “A Hero of our time”. Moscow, 1962, p. 203–218. URL: <http://feb-web.ru/feb/lermont/texts/selected/gnv/gnv-203-.htm?cmd=p>.
- Merkulova, I. I.** Road Chronotope. In: Russian prose of the 1830–1840s: thesis of candidate in philological sciences, Samara, 2007, 221 p. (in Russ.)
- Nedumov, S. I.** Lermontov’s Pyatigorsk. Stavropol, Book Publishing House, 1974, 307 p. (in Russ.)
- Newmark, P.** A textbook of translation. Shanghai foreign language education press [New York: Prentice hall], 1988, 292 p.
- Noeva (Karmanova), S. E.** Liminal World in Yakut Culture: The Role and Place of Man in the Space of the Road. *NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2021, vol. 19, no. 1, p. 40–52. (in Russ.)
- Nølke, H.** Where to place the attributive adjective In French? Focalisation and modularity. *French language*, 1996, p. 38–58. (in French)
- Saldanha, G.** Translator style: Methodological considerations. *The Translator*, 2011, vol. 17, no. 1, p. 25–50.
- Seleskovitch, D., Lederer, M.** Interpret to translate. Paris, Les Belles Lettres, 2014, 432 p. (in French)
- Shultz, V. K.** Lermontov in translations of French writers. 1842–1875, *Russian antiquity*, 1883, p. 457–472. (in Russ.)

List of Sources

- Lermontov, M. Yu.** A Hero of Our Time. Ch. 1–2. Saint Petersburg: Ilya Glazunov and K^o, 1843.
- Lermontov, M. Yu.** Bela. *Otechestvennye zapiski*, 1839, vol. 2, no. 3, dep. III, p. 167–212.
- Lermontov, M. Yu.** Fatalist. *Otechestvennye zapiski*, 1839, vol. 6, no. 11, part III, p. 146–158.
- Lermontov, M. Yu.** Taman. *Otechestvennye zapiski*, 1840, vol. 8, no. 2, dep. III, p. 144–154.
- Lermontov, M. Yu.** Collected works in 6 volumes; Academy of Sciences of the USSR. Institute of Rus. literature (Pushkin house). Vol. 6. Prose. Letters. Moscow, Leningrad, 1957, 900 p.
- Stolipine, A. A.** (translator). A hero of the century or The Russians in the Caucasus. Peaceful Democracy, Paris, 1843, Sept. 29 – Nov. 4 (DP). URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/cb32755585p/date>
- Voltaire.** Complete works of Voltaire, with historical, scientific and literary remarks and notes reviewed by a society of men of letters. Theater. Volume II. Paris: Bazouge-Pigoreau, 1832. URL: <https://books.google.ru/books?id=y1VHAQAAMAAJ&printsec=frontcover&hl=fr#v=onepage&q&f=false>

List of Dictionaries

- A Frequency dictionary of Lermontov’s language. In: Lermontov Encyclopedia, Academy of Sciences of the USSR. Institute of Rus. lit. (Pushkin House). Moscow, 1981, p. 717–774.
- Makaroff, N. P.** French-Russian Dictionary, Saint Petersburg, 1887, 1086 p.
- Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Yu.** Explanatory Dictionary of the Russian Language. Moscow, 2006, 944 p.

Материал поступил в редколлегию
Date of submission
05.03.2021

Сведения об авторе / Information about the Author

Соловьева Евгения Анатольевна, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры романской филологии, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Россия)

Evgeniya A. Solovyeva, Candidate of Sciences in Philology, Lecturer Department of Romance Philology, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication, Southern Federal University (Rostov on Don, Russian Federation)

e_rossignol@mail.ru

ORCID 0000-0001-8796-6059